

Сказка о воре и бурой корове

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Пей-ка коп#1123;йка, пятакъ постой-ка, будетъ и на твою долю попойка! Гужи сыромятные, тяжи моржовые, шлея наборная, кобыла задорная -- поидеть рысить черезъ пни, черезъ кочки, только держись супонь да мочки! Эхъ вы, любки, голубки, хвосты песты, головы ступки, что ноги ходки, хвосты долги, уши коротки, аль вы забыли, какъ прежде любили? Эхъ, съ горки на горку, дастъ баринъ на водку -- дастъ-ли, не дастъ-ли, а дома будемъ, дома будемъ, гостей не забудемъ! Эхъ, маленькіе, разудаленькіе, ударю! Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Погоди, Демьянъ, либо ты съ похм#1123;ля, либо я пьянъ; а эдакъ гнать, добру не бывать: держи ты тройку на возжахъ, правь толкомъ, да сказку сказывай тихомолкомъ; а то съ тобой чтобъ б#1123;ды не нажить, чтобы сказкой твоей кого не зац#1123;пить; ты сказкой о вор#1123; и бурой коров#1123; кому-нибудь напорешь и глазъ, не только брови! А ты кричи: поди, поди, берегися! Ѣдетъ сказка тройкой, сторонися! Сказка моя въ добраго парня не м#1123;титъ, а ледащаго не жаль, хоть и зац#1123;пить! Жиль-быль подъ Нижнимъ подъ городомъ мужикъ; а съ нимъ и баба, а съ нею и д#1123;ти -- семеро никакъ -- шестеро постарше, а одинъ помоложе вс#1123;хъ. Покол#1123; мужикъ тотъ былъ въ пор#1123;, такъ за всякую работу брался; я, говариваль онъ, слава Богу, челов#1123;къ крещеный, такъ у меня руки отъ работы не отвалятся; а какъ состар#1123;лся, такъ уже и не подъ силу стало; коли лапотки сплететь, лучины подъ св#1123;тецъ надереть, такъ и на томъ спасибо. Было время, что онъ д#1123;тей кормилъ, а нын#1123;, д#1123;ти его и кормятъ и поятъ; круговая порука! Старикъ д#1123;тей своихъ шестерыхъ наставилъ и научилъ добру, и вышли они парни работающіе -- а на седьмомъ, на Ваньк#1123;, оборвалось; не впрокъ пошло отцовское ученье; отбился, отшатнулся, и пошелъ своимъ проселкомъ, не доймешь его ни калиной, ни хворостиной! У него, чуть гд#1123; плохо лежитъ, то и брюхо болить; что ни взглянетъ, то и стянетъ! А самъ увалень, лежебокъ такой, что опричь разв#1123; за поживой, не шелохнется ни рукой, ни ногой. Какъ бывало въ воскресный денекъ, утромъ раннимъ ранешенько, покол#1123; народъ у заутрени, съ легкой руки, протянетъ пятерню, да сволочить у сос#1123;да кушакъ, либо ножъ, либо, буде рука не дрогнетъ, колесо съ тел#1123;ги, такъ и пошолъ на всю нед#1123;лю, откол#1123; что берется! Ванька съ малыхъ л#1123;тъ пріучаль себя къ этому ремеслу -- безъ выучки

нѣтъ и мастера, а безъ умѣнья и пальца не согнешь. Онѣ хлѣба еще не умѣлъ спросить у матери, а самъ уже тихомолкомъ руками за ломоть хватался. Бывало мать поставитъ удой молока на семерыхъ, да ребятишекъ обсажаетъ на полу вокругъ, а онѣ одинъ, въ двѣ руки, да въ двѣ ложки уписываетъ -- не одной ложки мимо рыла не пронесетъ; бывало отецъ привезетъ изъ Нижняго на всѣхъ ребятишекъ по маковнику, а онѣ сестрамъ и братьямъ пескомъ глаза запорошить, да и поѣсть все одинъ. Бывало положить самъ свои рукавицы на полати, заползетъ съ печи, да и приноравливается, какъ-бы поладнѣ ихъ стащить, чтобы и самому не увидеть; бывало самъ у себя портишки унесетъ да и схоронитъ, и ходитъ какъ мать на свѣтъ родила. А когда только сталъ онѣ своимъ языкомъ лепетать, слова выговаривать, такъ первое слово сказалъ для почину, поговорку: лупи яичко, не сказывай, а облупишь, не показывай; первую пѣсню запѣлъ про Русскаго про Картуша, Ваньку Каина, первую сказку сказалъ про Стеньку Разина. Эй, быть бычку на веревочкѣ! говаривали ему добрые люди; нашъ Ванька не слушаетъ и ухомъ не ведетъ. Сталъ ему старшій братъ говорить: -- Ванька, коли ты у меня еще что украдешь, такъ ткну я тебя въ рыло ногой, будешь ты семь недѣль безъ одной, летѣть торчмя головой! Ванька себѣ на умѣ. Поется старая пѣсня: не бывать плѣшивому кудрявымъ, не отростить дерева суховерхаго, не откормить коня сухопараго, не отвадить вора отъ куска краденаго -- и Ванька все проказитъ по-прежнему. Тогда уже сказалъ ему отецъ: -- Послушай, Ванька, ты теперь не малъ и не глупъ; скажу я тебѣ притчу: у моего у сударя у батюшки, а у твоего у дѣдушки, была собачища старая, насилу она по подстолю таскалася -- и костью краденою та собака подавилася; взялъ дѣдъ твой ее за хвостъ, да и подъ гору махнулъ -- и была она такова! Будетъ то же и тебѣ отъ меня! Ступай ты лучше, до грѣха, съ моего съ честнаго двора; вотъ тебѣ образъ, а вотъ тебѣ двери; дай Богъ свидѣться намъ на томъ свѣтѣ, а на этомъ не хочу я тебя и знать, не хочу я хлѣба-соли съ тобой водить; не хочу съ тобою въ баню ходить: гдѣ со мной столкнешься, ты мнѣ не кланяйся, шапки передо мной не ломай, я тебя не знаю, и ты меня не знай, я тебя не замаю, ты меня не замай!

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Эхъ, по всѣмъ, по тремъ, коренной не тронь, а кромѣ коренной и нѣтъ ни одной! Кто везетъ, того и погоняютъ, у меня коренная за всѣхъ отвѣчаетъ; мой рысакъ подъ дугою рысать -- не частить, пристяжные выносятъ, жару просятъ... Ой, жару, жару, нагоню я на свою пару -- ударю, ударю!... Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Эй, Демьянъ, не нажить бы бѣды, ты знай гонишь, что въ масляну по блины -- нынѣ Русской ѣзды баричъ не любить, а всякъ дома въ тихомолку трубить; по своей ѣздѣ ты ищи простора, чтобы не зацѣпить, невзначай, кромѣ Ваньки и другова вора!

Ванька ухватилъ шапку, рукавицы, зацѣпиль мимоходомъ за лишній утиральникъ узорчатый, что висѣлъ на стѣнѣ, подлѣ осколыша зеркала, сманилъ со двора отцовскую собаку, да и пошелъ. Въ эту пору шла на ихъ село конница на пѣгихъ коняхъ -- трубачи, обступивши лотокъ, торговали у бабы сайки; одинъ, видно не сошелся въ цѣнѣ, такъ заговоривши тётку, нагнулся съ коня, протянулъ пять рублей костяныхъ, да и стянулъ валенецъ. У всякаго свой обычай: казакъ на всемъ скаку съ земли хватаетъ, а драгунъ съ лотка. Прямой музыкантъ, подумалъ Ванька про себя, поглядѣвъ на трубача, что только завидитъ глазами, то и беретъ пальцами да руками! Чуть ли этотъ не придется мнѣ родня -- и я на костяной раздвижной трубкѣ мастеръ играть!

-- Что ты, продувной парнишка, ротъ разинулъ, глядишь, нечто не видалъ еще, какъ пять свахъ натошакъ засылаютъ по невѣсту голодному жениху? Ты, видно, не женатъ еще? -- Холость, отвѣчалъ Ванька. -- Такъ ты по нашему, продолжалъ трубачъ, чтобы заговорить опаснаго свидѣтеля и выиграть время; люди женятся, а у насъ съ тобой глаза во лбу свѣтятся! Что же ты не ищешь себѣ невѣсты?

Дѣвокъ у васъ много, да и все славныя, и самъ ты молодецъ! -- Хотѣлъ было бачка оженить, чтобъ жена берегла да приглядывала, да я не хочу, сказалъ Ванька. -- А для чего же ты не хочешь? Вѣдь и бачка твой былъ женатъ, чай, аль нѣтъ? спросилъ трубачъ. -- Да вѣдь бачка-то женился на мачкѣ, отвѣчалъ Ванька, а за меня отдаютъ чужую! -- Трубачъ разсмѣялся на дурака, на Ваньку, да и хотѣлъ было ѣхатъ, но тотъ не промахъ. Погоди, говорить, рѣжь, да ѣшь, ломай, да и намъ давай! Отдай-ка мнѣ полваленца, а не то, скажу. -- Не сказывай, отвѣчалъ трубачъ, я за это научу тебя своему ремеслу, пойдемъ вмѣстѣ. Первая вещь, берегись пуще всего, чтобъ не проходило красного утра безъ почину, а то весь день пропадетъ даромъ. За болыпимъ не гоняйся, Ванька, хозяйскую печь подъ полою не унесешь, а ты достань изъ нее лепешку, такъ и того съ тебя будетъ -- нынѣ рыба дорога, хлѣбай уху, а малая рыбка и подавно лучше болыпаго таракана. Вотъ, вѣдь и мы тоже всѣ съ крохи на кроху мелко тою перебиваемся, да благодаря Бога сыты; если жъ станешь за крупнымъ добромъ гоняться, такъ кнутофея амальгамовича не

минуешь. Послѣ таковыхъ добрыхъ наставленій и поученій, развязался трубачъ съ Ванькою, и присталъ снова къ товарищамъ. -- Насилу сбылъ шелудиваго, подумалъ онъ про себя, подѣлюсь я съ нимъ сайкою, держи карманъ! Много васъ вислоухихъ ходитъ! Молодъ больно; Господь мнѣ послалъ, такъ я и съѣмъ, а ты губы свои оближешь, коли не прогнѣваешься! Самъ хватъ за пазуху -- анъ валенца и нѣтъ! Ай да Ванька! Вотъ ухорѣзь! У вора кореннаго изъ-за пазухи сайку унесъ, съ нимъ же рядомъ идучи, ее не жевавши съѣлъ, да и подошелъ запить къ кваснику, что вышелъ конницу на пѣгихъ коняхъ встрѣчать. -- Ну, счастье твое, дуй-те горой, сказалъ трубачъ, что я тебя не поймалъ, я бы сдѣлалъ изъ тебя мутовку, не то заставилъ бы носомъ хрѣнъ копать! -- Что за счастье, проворчалъ Ванька, счастьемъ на скрипкѣ не заиграешь, а всякое дѣло мастера боится.

-- На копѣйку, что ли? спросилъ квасникъ, выхвативъ стаканъ изъ-за пазухи. Пить, такъ пить, отвѣчалъ Ванька, подумавъ не много, наливай на грошъ! Квасникъ налилъ, Ванька выпилъ, стянулъ у него пятакъ, отдалъ за квасъ, да еще три копѣйки сдачи взял!

Такими и иными, той же масти, проказами ремесла или художества своего прославился Ванька нашъ до того, что дѣды наши сложили про него сказку:

Сказка эта вырѣзана въ лицахъ, на лубкѣ, не то на деревѣ, расписана

мѣдяной, вохрой и киноварью либо сурикомъ; она продается въ матушкѣ Москвѣ

бѣлокаменной на Никольской улицѣ въ книжной лавкѣ

Василья Васильевича Логинова, и начинается стихами: Злоумышленный воръ нѣкій былъ, во многіе грады для кражи ходилъ, и уже шельмованъ былъ неоднократно, и то ему было невнятно! Въ этой-то сказкѣ въ лицахъ, о ворѣ и бурой коровѣ, нашъ Ванька играетъ лице не бурой коровы, а вора. Многіе, такъ продолжаетъ

сказочникъ, ремесло его знали и ничего у него не покупали; Ванька объ этомъ не плакалъ, не тужилъ, а чистыя денежки удилъ да ловилъ. Но онъ таки не спускалъ, гдѣ трафилось, и товаромъ, у него дня не проходило даромъ.

Случилось ему однажды черезъ деревню итти и къ крестьянину по пути ночевать зайти. У мужика была бурая корова, не дойная, такъ тельная, статна и здорова. Корова моя, подумалъ Ванька, все дѣло въ томъ, чтобы ее увести, да себѣ хлопотъ не навести. Утро вечера мудренѣе, а у Ваньки на починѣ и пальцы подлиннѣе. Легъ онъ, задремалъ, на зарѣ всталъ, корову со двора согналъ, и подъ дорогой въ орѣшникѣ привязалъ; а самъ на разсвѣтѣ

воротился, будто за добрымъ чѣмъ проходилъ, и легъ, гдѣ лежалъ, словно ни въ чемъ не бывалъ. Поутру хозяинъ его разбудилъ, да тюри ему накрошилъ; Ванька за хлѣбъ, за соль его благодарилъ, а хозяинъ, собираясь въ городъ, его спросилъ: А куда тебѣ, свать, итти? пойдѣмъ вмѣстѣ; коли по пути! Ванька сказалъ, что идетъ въ ближайшій градъ, а крестьянинъ тому и радъ; надломили хлѣба, Богу помолились, и вмѣстѣ; въ путь-дорогу пустились. А Ванькѣ не хочется покинуть коровы, ну какъ пойти и прійти безъ обноты? У него, про случай давнымъ давно съ три короба затѣй припасено. Говорить мужику: ты, свать, меня здѣсь маленько обожди, не то я и нагоню, пожалуй себѣ; иди, а я, по дорогѣ; у человѣка побываю, не засижусь, не бось, только должка попрошаю -- давно, признаться онъ мнѣ; продолжился, хотъ и скоро отдать разъ десять побожился; хотъ ужъ и не деньгами съ него взять, а чѣмъ нибудь, только бы захотѣлъ отдать. Правду же, свать, люди говорятъ: не дать въ долгъ остуда на время, -- а дать ссора на вѣки! А мужикъ придакнулъ; говорить: иди, да скорѣй назадъ приходи; а я сниму лапотъ съ ноги, да погляжу, не то соломкой переложу -- не намять бы ноги, бѣда; дойдъ какъ прійдешъ въ уѣздный городъ хромою! Стой же, свать, стой, заморимъ мы свою тройку; ѣдемъ мы съ тобой не сблизка, а сдалеку, сказка кончена, вино кизильное подлѣ боку, -- станемъ да переведемъ духъ, да выпьемъ съ тобой, рука на руку, самъ другъ!